

84(2Рос-Рус-4к)6
А 69 ЦБ

МИХАИЛ АНОХИН

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач.

З ТМО Т. 3.600.000 З. 1204—92

24(2 Рос - Рус - 4Кем)6

AGS
7/2

- 66

МИХАИЛ АНОХИН.

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА.

Публицистика.

0548291

ПОДАРЕНО
Трайков В. И.
12 2014 г.

г. Прокопьевск

1

43
Прокопьевская ЦБС
Центральная
библиотека

ББК 84(2 РосОРус)

Анохин М.П.

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА

Самиздат

Ленина 33 кв. 63

Дизайн обложки Л.Козлова.

Редактор Л.Козлова.

Автор член Союза писателей России, дипломант международных и региональных конкурсов, в своём творчестве продолжает русскую традицию гражданской литературы.

ББК 84 (2Рос-Рус) т 57

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА

- «Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, - говорит русский философ Иван Ильин, - подавлять частную инициативу и завоёвывать земли других народов, но в том, чтобы организовать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания».

Однако же государство и «завоёвывает», и «подавляет», и по большей части всегда «завоёвывает» и «подавляет». Можно сказать, и так: с библейских времен оно только тем и занимается. Что касается «благородной глубины правосознания», то с «благородством» дело обстоит точно так же, как и с совестью - у каждого она своя и нет двух человек, которые бы понимали «благородство» и «совесть» одинаково. Конечно, мы готовы потребовать от ближнего своего соблюдения высоких нравственных принципов, но вот что касается себя, лично, то тут находится столько оправданий и доводов, что от «совести» и «благородства» остаются только пустые оболочки. Что же говорить о «благородной глубине здорового правосознания», на котором только и может быть, по мнению Ильина, основано государство? Ничего! Потому что нет, не было и никогда не будет государства, основанного на этих возвышенных принципах! Потому не будет, что нет, и не было, и не будет никогда достаточного количества людей, обладающих полнотой этих принципов. А если бы и были такие люди в большинстве своем, то речь тогда стоило бы вести уже не о человеке, по крайней мере, не о человеке, которого мы

знаем, о котором рассказано в Библии и в великом множестве других книг, а о совершенно ином существе. Самые тоталитарные государства, несмотря на полное подавление всяческого индивидуального правосознания, не говоря уже о благородстве, способны противостоять любым вызовам природы, значительно эффективнее, чем государства, в которых «здоровое правосознание» поставлено во главу угла. Тоталитарные государства хорошо отобулизованы, а единичная жизнь человека ничего не стоит. Тотальные государственные системы способны выходить победителями в столкновении с государственными системами, где правосознание не является пустым звуком, По большей части именно тоталитарные государства оказываются, в таких войнах, победителями, если их прежде не разложили изнутри. Откровенно говоря, в эпохи социальных кризисов и потрясений, в эпохи войн и в противостоянии народов, именно тоталитарно организованное общество имеет намного больше шансов выстоять и преодолеть все вызовы времени, чем общества, основанные на «возвышенных принципах».

Европа в считанные месяцы оказалась оккупированной тоталитарной Германией и только в беспримерно кровавом противостоянии ей, такого же тоталитарного государства, как СССР, была одержана победа. «Возвышенные принципы» слишком высоко ценят конкретную жизнь, и потери для таких обществ в борьбе со стихиями мира оказываются неподъемными, неприемлемыми, непереносимыми для их морали и нравственности.

Похоже, что земная, практическая жизнь, вовсе и не

предназначена «для возвышенных принципов», или же она допускает их в качестве идеалов и в настолько малых количествах, как золотых самородков в речном песке. Кому-то нужно выращивать хлеб и детей, а не только следовать принципам. Есть нечто такое, что заменяет собой правосознание. Это нечто называется пропагандой, или иначе, на современном языке это звучит как «технологии управления массами». Нет проблем в современном мире в начинке голов любым содержимым! Любая пропаганда выстраивается на мифах, как здание на фундаменте, и совершенно неважно, что положено в основу фундамента; научные знания или ни на чем не основанная вера. Важно другое, чтобы и первое и второе стали фактом общественного сознания. Объективная истина, в данном случае, не имеет ни малейшего преимущества перед самой завиральной идеей, если она подана в должной «упаковке».

Человеческая душа, в своей земной проекции, весьма подвижная, изменчивая субстанция, способная запечатлеть в себе навязываемые стереотипы поведения, морально-нравственные принципы, системы ценностей и, таким образом, государство с помощью «технологий управления», не только контролирует душевно-духовную жизнь, но и создает её по заказу правящих классов, или элит, или каст. Не столь уж давняя история с событиями на китайско-советской границе, я имею в виду остров Даманский, показывает, как в три дня можно идеологически «отмобилизовать народные массы». И таких примеров можно привести не один десяток, на любой вкус.

Утверждение о том, что «каков народ, таково и

государство» справедливо в той же мере, в какой государство определяет морально-нравственный облик народа, его правосознание. И спор о том, что является первичным в определении правосознания; народ, или государство, бессмыслен и бесплоден, как споры, что было вначале; «курица, или яйцо»? И на самом деле, в поисках ответа на этот вопрос нам нужно было бы опуститься в такие глубины древности, от которых остались одни мифы и предания. Можно сказать и так: «деланье» души человеческой и нравственного облика государства, шло всегда рука об руку. Душа народа разворачивалась в общественное бытие, а то в свою очередь, либо подавляло духовную сверхзадачу народа законодательными актами, грубым насилием, либо подстегивало теми же правовыми актами, или насилием к самораскрытию и самоподъёму. Вот почему «аксиома» И. Ильина, что *«право и государство возникают из внутреннего духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания (...) не постигнута большинством людей».*

«Не постигнута», поскольку не отвечает реальным вещам, реальной политической жизни, той, издревле существующей практике взаимоотношения государства и человека!

«Право и государство» возникают не только «из внутреннего духовного мира человека», но и извне. Из сугубо материальных факторов, из предшествующей политической истории народа и создаются не только «для духа и ради духа», но и для удовлетворения телесных потребностей и влечений».

Так бы я перефразировал аксиому Ильина.

Спору нет, «аксиома» И. Ильина не только привлекательна, но и верна в том смысле, что эволюция человека, есть реализация замысла Бога. В отрыве от телесного, земного она превращается в утопическую теорию о возможном построении на земле «царствия божья».

Желать правосознания, основанного на благородстве души и на высотах духа, есть ничто иное, как желать увидеть в земном, падшем человеке Адаме всю полноту человечности, бывшую в нём до его грехопадения! И в то же время не желать этого означало бы окончательно отдать человека во власть телесных влечений, фактически превратить его в животное. Такова диалектика этого предмета.

Если глубже вдуматься, что человеку предписывают эти «высоты», но если бы это было так, то ему не осталось бы места не только в политической, но и в хозяйственной жизни. Не осталось бы, поскольку и первое и второе требуют не «высот», а расчета, хитрости, природной смекалки, практических навыков, формальных знаний, всего того, без чего невозможно обойтись в общественном производстве и в повседневной жизни.

Высоты духа требуют не лгать, а повседневная жизнь и минуты не обходится безо лжи и не только осмысленной и продуманной, но и бесхитростной, спонтанной. Оттого, что в человеке вмещаются и «высоты духа», и деловая хватка, он «распят» в своём земном бытии между телесным и духовным

Гуманисты, словно бы не замечают, что земной, реальный, а не придуманный ими человек, многомерен и противоречив.

«Отсекать» же в человеке Добро от Зла, Зло от Добра, следовательно, делать из него что угодно; демона, ангела, но эта вивисекция не имеет отношение к человеку, к гуманности?!

Чтобы знать, что такое свет, нужно прежде познать тьму и наоборот. Живущие в вечном свете, или в вечной тьме не чувствуют недостатков, не знают достоинств света. Они живут в естественном единении с тем, во что их погрузила природа Бытия. Только человеку, через его внутренний мир, дано это знание. Лишь человек распят этим знанием на «кресте жизни» и обращаться к нему с призывами «сойти с креста», означает ничто иное, как потребовать отречения от самого себя, то есть стать не человеком, или напротив, сверхчеловеком.

Реальное, а не придуманное, нравственное государство отражает в себе эту двойственную природу. Государственное право так же двойственно; то есть, одновременно обращено к «высотам духа» и к низменным инстинктам, которые-то и создают те необходимые предпосылки для телесного существования человека, ту производственную, финансово-экономическую базу, без которой вся ткань цивилизации разлезется и расползется.

По-человечески устроенное государство исходит вовсе не из презумпции невиновности своих граждан, как раз наоборот - оно всегда и во всем подозревает человека, и в первую очередь в том, что человек, что называется, при любом удобном случае, будет «грести под себя»! Задача гуманного государства не в том, чтобы изменить природу человека, отучить его от поиска своей выгоды, а выстроить такой

механизм, который бы энергию поиска своей выгоды, обращивал неотвратимой выгодой для всех.

Если бы все жили только «высотами духа», то некому было бы выращивать зерно, добывать уголь, управлять производством.

«Высоты духа» определяют дозволенное в деле удовлетворения материальных потребностей и потому, ЧТО и КАК позволено, мы судим о нравственном облике народа и государства, но и в этом суждение мы часто переходим за грань и впадаем в осуждение. Мы заходим столь далеко, что «высоты духа» превращаются в полную свою противоположность.

«Баланс» духа и материи, отраженный в законах государства и есть верное, или необходимое условие для деятельного, практического правосознания. Если это правило соблюдено законодателем, то тогда в своём отечестве человек не чувствует себя пасынком, тогда он воспринимает законы, как собственную волю и готов им подчиниться не за страх, а за совесть.

«Нравственность» государства подразумевает, что его правящий класс или элита сохранили в себе эти «высоты» или, хотя бы признают их, иначе, всё в таком государстве сведется к материальной выгоде и тогда, действительно, наступает упадок и вырождение человека в демоническое существо, полностью изжившее в себе прежнюю духовность. Именно духовность, поскольку вся история человечества проходит под знаком религиозности, даже в том случае, если это официальная власть.

Когда умирает Бог, то мир человеческий оказывается по ту

сторону Добра и Зла, место человека занимает демон, или «сверхчеловек» по определению Ф. Ницше, или Закон. «Технологии управления» сознанием могут создать суррогат души, приземлить её и, в конечном счете, низвести духовную жизнь к чувственным влечениям. Это еще не конец государственности, но конец прежнего человека и человека вообще.

ИЗ ТЕМНЫХ ГЛУБИН.

Знаю, что пишу в пустоту и говорю глухим, но должен. Это ощущение долга мне трудно объяснить, если вообще, возможно. Это выше меня и больше меня, как род недуга. Облегчение приходит только тогда, когда я написал, высказался и то на время, поскольку уже на второй день я начинаю понимать, что не сумел сказать того, что хотел. Жизнь человеческая есть "середина", начало и конец скрыты. Окружающий нас мир, мир доступный нашим чувствам и приборам, есть мир "срединный" он и познается мышлением, да и феномен мышления есть одно из свойств этого мира. Тотальное право мышления человека выступает преградой между "серединой" и тем, что находится "по ту сторону". Проблема человека как раз в том, что "середина" требует ясного и здравого мыслительного процесса, требует рациональной деятельности, чтобы жить, то есть всего человеческого, а познание "по ту сторону" требует отключение мышления как такового. Однако "познать" и есть задействовать ресурс мысли, то есть выразить познанное в слове, схватить и удержать, и передать другому.

Все истинные философии есть рассуждения о том, что есть "по ту сторону".

На самом же деле - это свидетельство мысли о том, что для неё недоступно.

Это описание слепого от рождения о цвете и колорите картин Иванова, или Дали. В лучшем случае - это приближение к границе "потустороннего".

Трагедия знания заключается в его бессилии понять источник причин и следствий "средины". Мысль свидетельствует из опыта, скажем, о том, что любовь лучше, полезнее для человека, чем ненависть, и начинает придумывать объяснения этому. И хотя это еще не факт, даже для мышления, потому что оно же и засвидетельствует обратное: что миллионы, миллиарды негодяев живут лучше, чем порядочные люди, но общепринято, что будто бы мысль человеческая свидетельствует в пользу любви и милосердия. Почитайте, почти девяносто девять процентов объяснений, что такое религия, и все сведётся к объяснению о "полезности" религиозного сознания для человека.

Вот так, мышление объясняет, объясняет и в итоге упирается в границу, и эту границу проложила вера.

- Никакая логика не способна освободить умозаключение от веры, от чувства, от мировоззрения, - так начинает Якоби будущую дискуссию Рассела и Пуанкаре.

- Все что нелогично, подлежит сокращению, - утверждает Рассел.

- Нет, - возражает ему Пуанкаре, - конечное количество фактов имеет бесконечное количество теоретических описаний.

А дальше множественность логик (Буль, Контор.) Теорема Тарского о логической невыразимости понятия истинности. Актуальная бесконечность Париса-Харрингстона.

Вот Юм: - "Никакой дедукцией нельзя прийти к открытию, совершить переворот во взглядах, узреть сокровенное".

Вслед за ним: Эйнштейн, Бор, Достоевский, Толстой и т.д. Религия, в части объяснений своих истоков, и есть фантазия мышления, уже потому, что выражена она инструментом мысли – словом.

Там, где религия ничего не объясняет, а священнодействует, там происходит выход человека "по ту сторону". Там и тогда, он получает чувственное свидетельство о том, что в "срединный мир" оттуда идет нечто, порождающее в его мышлении причинно-следственные связи и "законы" природы.

Однако это "знание" непереводаемо на язык мысли, ведь помыслить означает, в конечном счете, выразить это в словах. *"Слова, даже самые проникновенные и трепетные, обладают свойством убивать мысль, которую облачают в себя"*, - утверждает Федор Михайлович Достоевский, что же говорить о том, что лежит "по ту сторону", если мысль терпит ущерб, когда проявляет себя в слове?

Бог непознаваем по той причине, что познание есть функция мышления. О боге можно только рассуждать, а это нечто иное, чем познать. Познать - значит охватить нечто мышлением, то есть провести анализ и синтез, "разять" и заново "собрать". Познанное становится рабом человека, его инструментом, его "производительной силой".

Человек не может смириться с ограниченной пригодностью

своего мышления, ему все время кажется, что "серединой" исчерпывается вся Вселенная, а свидетельства чувств о том, что есть нечто и "по ту сторону", всего лишь еще непознанное, но, несомненно, относящееся к "середине". Мышление не может допустить, что "по ту сторону" действуют иные силы, там иная физика мира, иное "сознание".

Да и само понятие "по ту сторону" он не принимает как реальность, в лучшем случае, он воспринимает это, как метафору. Ведь говорим же мы о духовном наполнении человека, в отличие от материального, не прибегая к понятию духа?

Ложная уверенность в том, что и "там" так же как "здесь", побуждает человека штурмовать «потустороннее» всем арсеналом мышления, но в лучшем случае он получает свидетельство о том, что "там что-то есть".

Глубже, но не яснее, свидетельствует о том, что лежит за границей познания, экстаз верующего, медиативная техника, интуитивные вспышки.

Именно они и вырвали у потустороннего то, что "полезно" для человека, например: "не убий" и "возлюби..." Но и это адресовано только к человеческим отношениям, Бог же может потребовать от человека что угодно, даже самое аморальное, самое бесстыдное с точки зрения просвещенного человека.

Можно, конечно, сформулировать вопрос о причине такого положения дел, но еще Аристотель сказал, что спросить можно что угодно, но нельзя что угодно помыслить.

К таким вопросам относится и такой: "Зачем Бог ограничил

способность человека к познанию только "срединой"?

"Почему, если Бог всемогущ, то не уничтожит зло мира?"

И таких человеческих вопросов к Богу может быть бесконечное количество. Истинно верующий таких вопросов не задаст, он чувствует их нелепость.

Сказать, что Бог бросил человека и не дал ему путеводной звезды, значит ничего не знать о человеке. Чувство стыда, совести явственное свидетельство отношения

"потустороннего" к человеку.

Их свидетельства недоказуемы инструментами мышления, более того, они сугубо индивидуальны, но они несомненно не меньше, чем способность человека к математике.

Человек, утверждающий, что его совесть чиста, что ему нечего стыдиться, фактически свидетельствует о том, что у него и совесть, и стыд спят.

Это похоже на то, что человек утверждает: "Я глуп и тем горжусь! "

- Безвинны только камни, - сказал апостол Павел. Человек вынужден ежесекундно совершать действия.

Действовать и значит жить! Жить - значит совершать греховное.

- Совесть не средство искупления вины, а способ постижения подлинного существования. Совесть не социальна, а индивидуальна, она - самоконтроль и самоанализ, - утверждает Хайдеггер. И далее: «Тот, в ком совесть спит, не знает не только себя, он, по сути дела, не существует, не существует как человек».

Нет, Бог не бросил человека на произвол судьбы, он дал ему мышление, чтобы жить в "срединном мире" и стыд и совесть,

чтобы соотносить эту жизнь, как часть к общему.
Почему? Зачем? Все это вопросы человека, лишенного чувства "потустороннего" и добивающегося этого чувства. Но чтобы добиться, мышление человека, его внутренний голос, должны умолкнуть, хотя бы на секунду.

Умолкнуть в религиозном экстазе или как-то иначе, но умолкнуть, а так - не услышать. Внутренний голос «забьет», заглушит свидетельство Бога о том, что человек не исчерпывается "срединой", что есть ему начало и продолжение.

"Я познал, я стал мыслить и потерял веру." (Ф. Аквинский.)

ЗАКАТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Русский суперэтнос вымирает, поскольку потерял цель жизни, выходящей за пределы личного представления о смысле бытия.

У имперского этноса всегда есть вселенская миссия, как например, у англичан в 19 веке – «нести бремя белого человека» в дикие страны, где живут полулюди полуживотные.
«Твой жребий - Бремя Белых!

*Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу*

Темным сынам земли». (Р.Киплинг.)

А сейчас у США – миссия нести в мир демократические ценности.

СССР нес в мир социалистические ценности.

Когда такие этносы (имперские) замыкаются внутри себя, то начинается их естественное вырождение.

Исламский мир нашел эту супер-идею, и она замкнута на

Коране, на жизни по Корану – это придает ей духовную силу. Весь остальной мир – враждебен и терпим только в силу необходимости, проистекающей из слабости исламского мира.

Христианский мир давно расколот, раздроблен и поработен иудейской идеей стяжательства. Хотя и он начинался с супер-идеи – пропаганды Слова Христова «до самых пределов земли»!

Последствия этого раскола явственно видны в Европе: Франция, Испания Нидерланды, Англия и т. д. разврат кругом! Однополые браки уже норма! Зоофилия скоро тоже станет нормой и жизнь с собачкой, или какой другой зверушкой обученной к сексу с человеком, никого не станет шокировать.

Пока еще только православие призывает жить по Христу, но и оно крепко заражено западными ветрами перемен.

Зараза уже занесена в наши школы, в наши дома с ТВ, Интернетом, и подтачивает, и подзуживает нас к тому, чтобы мы не думали ни о каких целях. Живите и всё! У кого совесть вопиет – избавьтесь от неё.

И учение уже есть самое подходящее от совести называется оно - «Дианетика».

* * *

Есть один из основоположных законов природы – все живое стремится к неограниченной экспансии. Когда исчезает мотив экспансии, и физическое пространство для экспансии сжимается практически до нуля, о чем много десятилетий тому назад писал один из ведущих ученых НАСА Роберт Зарубин, тогда имперская нация (этнос) начинает

вырождаться.

Но еще до него американский историк Тернер Фредерик Джексон (1893г.) писал: «В момент выхода к границе традиционной цивилизации ломаются оковы прежних представлений, и торжествует безграничная свобода.

Несмотря на существующие традиции и правила, граница дает нам возможность убежать от оков прошлого, только там вы можете почувствовать свежесть перемен, презрение к ограничениям и запретам предыдущего поколения».

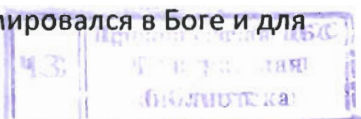
Двадцать первый век сжал планету до времени одного витка спутника, и географических пространств, нетронутых рукой цивилизаторов, практически не осталось. Двигаться некуда, а кипение внутри старых имперских этносов нарастает. Но это «кипение» – не выброс в пространство масс пассионарных людей, а то, что ученые наблюдают у старых массивных звезд – взрыв вовнутрь себя, коллапс.

В советское время такие цели, выходящие за пределы личной жизни, были, начиная от освоения целины, космоса, Севера и заканчивая построением в СССР «коммунистического общества».

Сейчас таких целей нет! Русский суперэтнос замкнулся сам на себя. Всё в нём распадается на отдельные атомы, противостоящие (конкурирующие) друг с другом за материальные блага. Вместо синергии мы видим антагонизм. и особенно отвратительный и циничный в быту.

Еще Достоевский предупреждал о том, что русский человек «страшен без бога», и это - правда – вера в бога осмысливает жизнь.

Русский же человек тысячу лет формировался в Боге и для

1688450

Бога. Такое не проходит бесследно, и даже самым страшным, самым разломным веком не изживается, но на этих духовных катастрофах вырастают чудовищные химеры.

Мы являемся свидетелем того, как исчезает этнос, образующий государство российское. Это процесс не одного дня. Такой гигант как Россия будет умирать долго и мучительно, сотрясаемый социальными катастрофами. Европа вообще к 30 году этого столетия, как и Москва, кстати, станет целиком мусульманской, это видно по экстраполяции рождаемости, в исламских семьях и христианских, а если прибавить еще и миграцию из развороченного мира исламских стран, то процесс этнического перерождения Европы очевиден.

И тут я слышу человеческий всхлип, почти стон – что же нам делать!? Но публицист не врач, а всего лишь диагност, Он не политик и не министр, которые поставлены «прописать лекарство» от этой рвоты.

Самое простое, что напрашивается – платить русским семьям за рождение третьего, четвертого, пятого... ребенка!

Но там, где есть «плата» там есть и «корысть», там есть двоедушие, и от этого - нравственная раздвоенность. Поэтому не верю я в «плату», точнее в историческую пользу «платы за рождение детей».

То, что дано всему живородящему даром Божьим, как радость отцовства и материнства, не может быть заменено «платой за рождение детей».

Так что не спрашивайте у меня лекарственных прописей, не по уму это мне. Мы находимся сейчас в таком положении, в каком находилась римская империя при Тите Ливии, «когда, -

по его выражению, - не дошло до нынешних времен, мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах».

МЕТАФОРЫ БЫТИЯ

Жизнь и смерть Н.В.Гоголя представляют собой сплошную загадку в истории русской, да и мировой словесности. По правде говоря, жизнь и смерть любого великого человека является загадкой, но Гоголь и в этом ряду стоит особняком. Современники говорят, что последние год-полтора жизни его мучил страх смерти. Можно говорить, о своего рода, душевном заболевании.

Этот страх усилился, когда 26 января 1852 года умерла Екатерина Хомякова, сестра поэта Н.Я.Языкова, с которой Гоголь дружил. Умерла от брюшного тифа и то, что в это время она была беременной, только усилило нравственные страдания писателя.

"Лицемерие смерти ему было невыносимо" - вспоминает А.П.Анненков. На панихиде, взглядываясь в лицо умершей, Гоголь сказал: "Для меня все кончено".

На похороны он не явился, сославшись на болезнь и недомогание нервов. По свидетельству Аксакова между ними в скорости произошел следующий диалог.

"Он стоял, задумавшись, потом произнес: - Страшна минута смерти.

- Почему же страшна? - спросил я, - только бы быть уверену в милости Божьей к страждущему человеку, и тогда отрадно думать о смерти.

Он ответил:

- Но об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту".

В восемь часов утра 21 февраля 1852 года дыхание его прекратилось. Гоголя похоронили в Даниловском монастыре, но, как потом выяснилось, ему пришлось умереть дважды, и второй раз воистину ужасно - под землей, в темноте и тесноте гроба. При захоронении праха Гоголя обнаружили, что обшивка гроба изнутри была вся изорвана! Это значит, что похоронили писателя живым - в состоянии летаргического сна. Именно этого он боялся всю жизнь, и не раз предупреждал о том, чтобы его не хоронили поспешно, пока не убедятся в том, что он действительно умер, а не заснул летаргическим сном. А ведь в тексте завещания, написанном еще в 1846 году, он просил:

- Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения", - но, как всегда бывает, великие люди не принадлежат себе.

Но себе не принадлежат и малые мира сего, в умственной простоте своей и словесной немощи, не оставившие и следа того страха, который испытывал перед смертью, Гоголь! Преждевременная смерть (не по старости) художников слова явление обычное в мире, как будто проклятие Господа тяготеет над ними, проклятие за то, что они не последовали вслед за пророком Исаией, и вместо того, чтобы ослеплять народы, делать их незрячими, открывают им глаза. Не на все - нет, но каждый писатель открывает глаза на что-то своё, увиденное им в высотах неба и в глубинах ада. Для чего Господу нужны слепые?

В случае с евреями, известный библеист Мартин Бубер дает

такой ответ, подправляя Льва Шестова:

"Разрешите мне обратить внимание на ваше неправильное толкование текста Библии, который вы взяли в качестве эпиграфа к своей статье, - говорит он в письме к Шестову, после выхода в свет работы Шестова "Сыновья и пасынки времени". - В конце вы говорите: "Зачем так было нужно? Исаия объясняет: чтобы они исцелились и обратились". Но не это объясняет Исаия; смысл его слов еще более болезнен, еще более жесток. Он говорит: *ne forte vidiat...et audiat...er convertatur* [да не увидят... и не услышат... и не обратятся] Значит: пророк должен сделать "бесчувственным (Vulgate) сердце народа, или "непроницаемым (Лютер), или "ожиревшим" (таков смысл еврейского слова), дабы он не обратился и дабы Бог не был принужден его исцелить вследствие этого обращения. Таков жуткий смысл этой вести - народ не должен обратиться, но должен идти вдаль, должен быть "выжженным". Маленькая неопределенная надежда остается только для одного коренного племени, эта фраза о "святом семени", которая опущена в большинстве версий Септуагинты."

Но Гоголь, мне представляется, чувствовал, что дело тут не только в евреях, все народы должны идти в даль и в этой дали быть выжженными. Да и как иначе, если история свидетельствует, что из всех альтернатив, из всех возможных сценариев выбирается самый худший?

Этому миру, этой заколдованной земле, быть уничтоженной и потому любые попытки изменить траекторию развития, встать на пути прогресса, обречены на неудачу. Рок, судьба, Промысел Божий, как угодно назови - выбирает наихудший

из возможных сценариев. Ни народы, ни царства-государства спасти невозможно, спасается только единичный человек.

* * *

В веселых, святочных рассказах Гоголя, насыщенных колоритом деревенской жизни Малороссии, явственно проступает языческая, страшная сила подземного бога Хтона, околдовавшего земную твердь.

Открытие того, что все мы ходим по заколдованной земле, в зачарованном состоянии, являлось лейтмотивом всего творчества Николая Васильевича. Это было его прозрение, его видение невидимого, но постоянно присутствующего в мире.

«Не худшие из нас, а лучшие - живые автоматы, заведенные таинственной рукой и не дерзающие нигде и ни в чем проявить свой собственный почин, свою личную волю», - писал он в своих "письмах".

Мало кто услышал в этих словах явную переключку с историей царя Израильского Ахава и пошедшего против всех пророка Михея.

Оттого, что земля "заколдована" - "не вытанцовывается" у старого казака, в новелле "Заколдованное место". Станным, мистическим образом, исчезают не только чумаки, знакомый баштан, но и привычная ему реальность. Он ходит, пляшет, действует в зачарованном состоянии, в точно таком же, как триста израильских пророков Ахава, которых смутил "дух лживый", по наущению Иеговы.

Потому, что земля такая - "зачарованная", исчезают чумаки, исчезают не на минуту - другую, а надолго. Если не сказать - навсегда. Так - навсегда, как изгнаны из рая Адам и Ева,

чтобы родить Каина и Авеля и тем самым продолжить род человеческий, и его преступления на земле. На земле и не может быть ничего, кроме преступлений! Вот что увидел Гоголь особым пророческим зрением. Не может не быть преступлений, раз земля отдана во власть Хтона, а воздух во власть Сатаны!

Только в зачарованном состоянии можно всерьез уверовать в существование клада, обдумывать и действовать так, как будто всегда был уверен в том, что между поповским гумном и водокачкой есть кладбище, и на том кладбище, в могилах закопаны клады.

Старый казак даже не рефлектирует по поводу случившегося; настолько сильно и долговременно действует очарованность. Словно так и должно быть, чтобы чумаки внезапно исчезали, а сам человек чудным образом оказывался "черте где". И вот что, как бы ни был велик страх перед свиными рылами и прочей бесовской тварью, жажда овладеть кладом пересиливает всё.

А разве не то же самое произошло с нами, когда мы кинулись в давку за ваучерами, когда вкладывали свои гроши в банки под бесовские ставки? Разве не овладела нами та же сила, что и у старого казака, а вся, исключительно вся Россия превратилась в одно, сплошное "заколдованное место"?

Ведь что было бы, если бы не горела свеча на могиле, явственно и недвусмысленно говорящая казаку, что здесь клад? Что было бы с нами, если бы не горел зовущий огонь телевизора и не прыгали бы по экрану одержимые бесами люди, призывая нас "вложить деньги"?

Думаю, что казак бы насыпал в ноздри черту изрядную долю табаку, перекрестился бы, да и плюнул в его очи, и наваждение исчезло бы, и сказка кончилась. Да и не только сказка - кончилась бы известная с добиблейских времен жизнь!

То же самое случилось бы и с нами, потухни в наших домах телевизоры. Вспомнили бы мы, наверное, детские чтения про бесшабашного и доверчивого Буратино, закопавшего свои денежки на "Поле чудес".

Мудрые подсчитали бы, сколько в колосе зерен и тем самым определили бы максимально возможную годовую банковскую ставку. Еще более мудрые сказали бы и этим мудрецам, что зернышко, чтобы превратиться в колос, требует многомесячного ухода, так что процент, как минимум, ополовинился бы.

Так что пришли бы все мудрецы и народы вместе с ними к моисееву закону, что даже чужакам давать займы деньги больше 10% годовых – уже бесовское дело.

Но клад, да еще таинственная свеча на могиле - это другое дело! Жажда клада превращает сказочную историю в действительность, непостижимую уму. Это так же непостижимо, как жажда получить на вложенный рубль - двести процентов годовых, угадать под каким стаканчиком находится шарик, выиграть в казино целое состояние, купить за бешеные деньги лекарство, исцеляющее от всех недугов.

Считается, что Бог лучше, чем мы, знает наши души. Так может быть и черту наши души открыты, ведь согласно преданию и черт был когда-то ангелом? Может быть, дед

рассказчика, больше всего в жизни мечтал откопать клад, и на этом черт его "поддел"?

Сдается мне, что черти всегда "поддевают" нас за наши тайные желания, но поддевают все-таки с попустительства Господа. И тогда весь человеческий мир предстает в виде чудовищной драмы, ни начало которой, ни конец, нам неизвестны. Потому так смертельно-страшен смех Оксаны над влюбленным кузнецом Вакулой, что никакое человеческое, земное дело без нечистой силы невозможно сладить!

И тайное желание Оксаны получить обувку царицы не без черта обошлось. Да и у самого кузнеца Вакулы мать с чертом любитя и, может, потому-то черт так покладист с ним, и так смел Вакула, что передалось ему от матушки некая толика чертознайства?

Об этом Гоголь впрямую не говорит, но ведь это следует из логики жизни, ведь не может сын не замечать некоторых странностей своей матери?

«- А, Вакула, ты тут! здравствуй! - сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума.

- Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевички, которые носит царица, достал? Достань черевички, выйду замуж! - И, засмеявшись, убежала с толпою".

Откуда эта простая, деревенская девушка знает, что её неразумное требование можно исполнить? Конечно, ночь святочная, сказочная можно сказать ночь, но одно дело сказка, а другое дело - жизнь. Кто же строит жизнь на сказке? Ну да, скажет читатель, так ведь и история с кузнецом -

сказка! Кто же спорит, что сказка, но такая "говорящая" сказка, что от неё полшага до реальной жизни. Ведь сама царица не без чертовой подсказки сняла со своих ног туфельки. И не всегда ли власть земная действует "с чертовой подсказки"?

Надо представлять себе, что такое для христианского сознания царь и царица. Чтобы понять глубину намека, а, поняв, ужаснуться тому, что шутя и смеясь, поведал нам Гоголь, нужно вникнуть в представление православных о природе царской власти. Ведь это не просто фраза: "Господь на небе, а царь на земле", он ведь и есть "помазанник божий".

В простоте душевной, а гоголевские персонажи люди малограмотные, "простые", неискушенные, и потому образ царя и царицы сливается у них с образом Иисуса Христа и Девы Марии. Вот такая "простота" в желаниях этой безграмотной девки, и так "прост" сюжет Гоголя!

И вот, Оксана - возлюбленная кузнеца Вакулы, просит его принести не просто черевички, а обувь, освященную и даже святую. Для того, чтобы исполнить волю капризной девушки, оказывается, достаточно содействия такого ничтожного, блудливого черта, которого обнаружил в святочном мешке кузнец?

Вот ведь о чем написал Гоголь! И думается мне, уже после того, как написал, много позже, его объял ужас, что вот так просто добываются святыни, достаточно иметь власть над чертом. Да и это еще не факт, то есть еще не конец истории кузнеца Вакулы и Оксаны, потому что конец всему подводит только смерть. Так что черт не унижен Вакулой, а претерпел

унижение ради достижения своей конечной цели. Каковы цели у черта, о том еще будет речь, а сейчас отметим одну важную особенность мировоззрения Гоголя: всех, кто ступает по земле, исключительно всех морочит нечистая сила.

- Да, вот вы говорите насчет того, что человек может совладать, как говорят, с нечистым духом. Оно, конечно, то есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи... - говорит дьяк.

Да и как иначе, конечно "случаи", если сельский попик, в святочную ночь сам попал под влияние черта! Все мы ступаем босыми ногами по околдованной земле, и тела наши уходят в неё. Именно поэтому в самый, что ни на есть великий церковный праздник, бесовские силы обладают такой необоримой властью над человеком, что нельзя верить в Бога, верить крепко, неистово верить и при этом не верить в черта!

И этот попик, свидетель Христовых страданий, ходит по околдованной земле, поэтому и...

— "Однако же не говорите этого. Захочет, обморочит дьявольская сила, то обморочит; ей богу, обморочит!"

Так что и выхода у человека нет никакого, и более того, чем настойчивее человек избегает "бесовских наваждений", тем сильнее преследует его "дьявольская сила", желая его "обморочить".

Об этом и житие святых повествует, да и, кажется, только и исключительно об этом!

Гоголь, разумеется, ничего не знал о каком-то Хтоне, во власти которого находится Земля, но хорошо, до

болезненных судорог знал о Сатане. Дело даже не в том "знал-не-знал", а в провидении, и он провидел то, что пребывало в начале всего.

Он чувствовал, что не только силы бесовские, но и помимо их, немало разных сил путаются под ногами человека.

"Морочат ему голову" и потому только морочат, что образ морока носит в своей душе сам человек, что он верит в русалок и лешего, верит в цветущий папоротник и сотни, если не тысячи, других существ и примет.

Именно поэтому, что человек, прежде всего, в душе своей должен иметь "образ и подобие морока", даже могучие силы ада не могут приподнять отяжелевшие веки Вия, если на его зов не откликнется сам человек, как это случилось с Хомой? Вот как описывает Гоголь явление у гроба умершей ведьмы демона земных недр Вия.

"Как жилистые крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

- Поднимите мне веки: не вижу! - сказал подземным голосом Вий – и всё сонмище кинулось подымать ему веки.

"Не гляди", - шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел и глянул.

- Вот он! - закричал Вий и уставил на него железный палец.

Что бы случилось, если бы философ Хома послушался "внутреннего голоса"? Что бы вообще было с нами, если бы мы прислушивались к своим "внутренним голосам"?

На эти вопросы у меня нет ответа, да и не дело давать ответы

на подобные вопросы, их нужно хотеть задавать. И тут-то обнаруживается, что человек не только не хочет задавать подобные вопросы, он панически боится даже думать о том, что такие вопросы могут быть! Во времена Гоголя уже старались избегать "нехороших" вопросов, а нынче тем более, считается дурным тоном задавать вопросы, идущие из глубин души - не поймут и страшно!

В древние и средние века не боялись, а нынче панически боятся. Страшно так, как это было Хоме. Леденит страх. Это и Дант знал, поэтому в самом центре дантовского ада, пребывают вмороженные в толщу льда, высшие сатанинские силы.

* * *

Вспомним библейский текст, с чего все началось? "В начале Бог сотворил небо и землю" Очевидно, что этим актом Бог противопоставил небо - земле.

Хтон, по древнегречески, означает - земля и не просто земля, а царство мертвых, где властвуют темные, мрачные силы. И темные, и мрачные они только потому и поскольку находятся в вечном мраке, во тьме. Тьме - глаз не нужно, а нужно другое чувство пространства и времени. Это мир глубин земных, не знающий света, и сам Хтон – первобытный бог, слепорожденный супруг Геи.

Такое вот единство противоположностей, известное грекам по мифу о сыне Гермеса и Афродиты, соединенного богами с нимфой Салматидой так, что их тела образовали одно целое. Хтон и Гея - одно такое целое, возникшее в первый акт творения вещного мира.

Эти представления о подземном мире общие как для

древних греков, так и для древних славян, поскольку, как известно, славянские племена обитали на севере Греции еще в исторические времена.

Дохристианские представления о земле, как вместилище умерших, но живущих своей, особой "подземной" жизнью, нашли отражение в мировоззрении Гоголя. ("Страшная месть")

Это языческое мировоззрение вступило в яростную схватку с мировоззрением христианским, в котором уже не было места первобытному, точнее первосотваренному Хтону.

Потому, что пришли времена, когда Первоангел, по-видимому, сотворивший видимый нами свет, ("Сын зари так его называет Исаия) восстал против Творца и был им низвергнут, как полагают многие, в центр земли - в Тартар. *"Как упал ты с неба, денница, сын зори! Разбился о землю попиравший народы. А говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих, вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему".*

Для того, чтобы увидеть небеса Бога, нужно иметь отличное от обыденного зрение. Их не усмотришь ни в бинокли, ни в телескопы, как бы далеко во Вселенную не проникало, оснащенное техникой зрение. Можно даже сказать так, куда бы ни проникало человеческое зрение, оно видит только единственное - царство Сатаны, и им сотворенный свет. Тот свет, что горит в наших электролампочках и в очагах домов.

Изредка происходит чудо явления божественного света, но и он быстро грубеет в телесном и душном для него мире,

становится обычным огнем, вполне годным для приготовления пищи.

Между тем и последователи учения Христова говорят, что "стихия Сатаны - воздух", а не земные недра.

"И вас, мертвых, - говорит апостол Павел в послании Ефесянам, - по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления..."

Так что на царство Хтона никто не покушался, Сатана низвергнут с небес, но с небес божественных, а вовсе не с тех, что доступны глазам человеческим.

В Откровении Иоанна недвусмысленно говорится о будущих временах, когда будет "низвержен великий дракон, древний змей, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним".

То есть и на этот раз Сатана упадет не в глубины земные, а на поверхность земли, то есть уже не станет "князем воздуха".

Что такое должно случиться с миром и землей, если Вий откроет свои глаза и посмотрит на мир? Ведь не сам же Сатана запечатал очи самому могущественному из своих слуг? Да и слуга ли он Сатане, а если и слуга, то не из той ли породы слуг, которые всегда держат острый нож за пазухой? Электричество тоже служит человеку, но и убивает его. Машины служат, но берут за свою службу десятки тысяч ежегодных жертв.

Чтобы понять эту, развернутую в пространстве и во времени метафору Гоголя, нам потребуется краткий экскурс в

сатанологию, но вначале дадим определение метафоре.

"Мета фора" - это взгляд по ту сторону прямых значений слов. Взгляд в то место, где логос-слово еще не сбросило с себя чувственной оболочки и "мета фора" - есть образ и подобие этого, дословесного мира.

Это еще не выраженная в слове мысль-чувство. Иначе сказать – это чистая мысль.

Как сказано в одном из евангелий - вначале было слово. Вот это, до-начальное, бывшее прежде всех слов, открывается нам в "мета форе."

Сатанология, как дисциплина, изучающая природу сатанинских сил, возникла в недрах христианства и несет в себе её философию. В канонической литературе мы не найдем сколь-нибудь развернутого представления о сатанинских силах, об их иерархии, целях и задачах. Все это возникло много позже, и основой послужил как личностный опыт подвижников веры, так и синтез и переработка языческих представлений о загробных путях человеческих душ.

Остановимся на самом важном для нас моменте: о целях и задачах сил сатанинских. Они сформулированы Иисусом Христом:

"Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, - не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных".

Итак, задача сатанинских сил одна - прельстить и увлечь. Оставим в стороне вопрос о том, для чего Сатане нужны души человеческие, хотя сам по себе этот вопрос не менее

интересен, чем тот, о котором мы ведем речь.

Скажем только, что Сатана - противник Господа, уже увлек за собой сонмы ангельских сил и чинов.

Надо полагать, что сделал это не по слабости Бога, не вопреки его замыслу, а напротив "потому, что Бог попустил."

Рассуждать о том, отчего Бог "попускает" многое, чего по разумению человеческого попускать нельзя, значило бы приписывать творцу Вселенной человеческий разум и человеческие представления о сущем и должном.

Совершенно справедливо "ученейший из философов" - Барух Спиноза сказал: "Ибо разум и воля, которые составляли бы сущность Бога, должны бы быть совершенно отличны от нашего разума и нашей воли и могли бы иметь сходство с ними только в названии; подобно тому, например, как сходны между собой Пес - небесный знак и пес - лающее животное".

Однако человек не может иметь представление о божествах, отличное от того, что способен ему дать разум, поэтому все божества у человека приобретают антропоморфный или зооморфный облик и наделяются чертами соответствующих форм.

Это предел, через который не может перешагнуть мышление человека. Но человек не столько существо мыслящее, сколько существо чувствующее, и вот в чувствовании глубин мира, человеку нет ограничений. Оттого и дано определение Богу, как любви - самому сильному и самому неразумному чувству в человеке.

Великий Данте так определял любовь: "Любовь - любить влекущая любимым".

Заметьте, не любимых влекущая, а любимым, то есть объектом влечения.

Бог влечет к себе не любовью, а собой, потому и есть он - любовь. Это очень важно понять, что любовь - это суть объекта любви, исчезает объект и любовь улетучивается. Объект соблазняет любовью - соблазн - влечение к объекту любви, прельщение им.

Иегова, явившейся Моисею, прямо говорит о себе, что он "бог ревнивый", и требует: "... не поклоняйся им (кумирам) и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода..."

Бог Авраама, Бог Исаака и Иакова не сомневался, в отличие от философов и богословов, что существуют и помимо него - другие боги (элоим), потому что в мире людей живут и действуют только те боги (элоим), в которых люди верят, в глаза которых они заглядывают, преодолевая в себе страх и ужас перед отверзающейся бездной, недоступной разумению.

Всякое творение желает реализоваться в мире людей, единственно действительном мире, то есть в мире не помыслов и чувствований, а в мире действий. Ведь и душа человеческая, освобожденная от тленной оболочки, уже не может действовать, а только переживает ранее содеянное. Можно только предполагать, как бы ей хотелось вернуться опять в тело и заново, и по-другому действовать.

Отсюда полшага до понимания слов Христа о том, что "восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и

избранных".

Опрощая и упрощая эту метафору переводом её на язык рассудочности, можно говорить о том, что Господь Бог ведет "естественный отбор" устойчивых к соблазну людей. Для этого и устроен такой мир с многочисленными "попущениями".

Всю эту сложную и страшную правду знал Гоголь и то, что у обычного, даже верующего человека скользило по обок сознания, его сознание захватывало целиком. Чувство, что земное и видимое небесное прельщает, и нет силы, чтобы отринуть это прельщение, вводило Гоголя в иступленное состояние.

И совершенно ни при чем здесь невежественный духовник Гоголя, ржевский протоирей Матвей Константиновский, почва для его экзерсисов над Гоголем была подготовлена. Давно известно, что: "Бог весть, откуда приходят невежественные люди и восхищают небо".

Можно сказать еще резче, еще определеннее: только невежественный человек и способен "восхитить небо", у здравомыслящего слишком ясно и громко говорит мысль. Ведь и на самом деле человек мыслит не как иначе, а словами! И эти слова заглушают всё, в том числе и «голос Бога» - его мета-фору.

Вернемся к первому акту творения Бога. Создавая небо, Господь создал и силы небесные - иерархию чинов ангельских. Несложно предположить, по аналогии, что, создавая Землю, Господь создал иерархию чинов Хтона-Геи, тварей копошащихся во тьме земных недр.

Только не подумайте, что они из той же плоти, что черви и

букашки! Эти существа, хотя и материальные, потому что тварные – их материя отлична от нашей материальности. Ученые уже утверждают что такая «материя» из которой состоит земля и мы составляет менее 10 процентов от общей массы Вселенной!

Это хтоническая первозданная сила, изначально была противопоставлена божественным небесам, как ночь противопоставляется дню и в целом создаёт суточный цикл земной жизни.

Если хотите - это диалектическая противоположность, находящаяся вне морали и нравственности: русалки, феи, гномы, горные и лесные духи - метафорическое отражение в сознании людей хтонических сил.

Идя на уступки просвещенному веку, можно сказать и так, что вся "высшая математика и физика земных недр, вся соподчиненность и обусловленность взаимодействия физических, информационных и иных процессов в земных недрах - есть мир и царство Хтона.

Прельщая человека своими дарами, обращаясь к его сознанию и зачаровывая человека его же могуществом, Сатана не оставил без внимания и слепые, хтонические силы. Порождение бога Хтона - Вий, прельщенный Сатаной, не смог бы преодолеть даже с помощью сатанинских слуг, свою изначальную хтоническую природу - слепоту, если бы на помощь ему, пусть невольно, не пришел человек. Без человека не имеет силы ни одна первобытная тварь, для её проявленности в мире нужен образ и подобие Бога, нужно человеческое падение в грех и тогда только нечисть обретает свою силу. Если хотите, таков образ, такова метафора

"покорения природы" и подчинение её человеческим нуждам: "покоряя - покоряемся".

Поскольку каждый из живущих на земле то и дело впадает в соблазны, в грех, бесовские хороводы вроде тех, что описаны Гоголем, становятся обычным и повседневным делом и не только в святочную ночь.

Миргородские помещики Иван Иванович и Иван Никифорович перессорились из-за пустяка, да так, что ссора напрочь перевернула всю их жизнь.

В "Мертвых душах" нет ни одного не порченного бесами персонажа! Все, исключительно все, пребывают в состоянии наваждения, когда разум спит, а глаза видят не то, что есть на самом деле. А видят то, что увидеть хочется. Хочется, как всегда, чего-нибудь такого, о чем внутренний голос говорит, либо "не смотри", либо "не делай". И хочется, порой - смертельно, так, что открываются очи Вия и других "ослепленных тварей".

Сократ признавался в том, что его внутренний голос только то и говорит, что "не смотри" и "не делай" и никогда не говорит ему, что нужно делать. Похоже, это особенное свойство "внутреннего голоса", не говорить положительные вещи, а все время предупреждать.

Если вы устали от развернутых метафор Гоголя, если вам хочется чего-нибудь совершенно разумного и предметного, то посмотрите на готические соборы "темного" средневековья, на маковки русских церквей, на минареты ислама, на шокирующую откровенность барельефов индусских ашрамов, и если вы ничего общего не узрите, то, конечно, вам не понять метафор.

Тогда вам следует обратиться к науке, но и там, если вы погрузитесь на достаточную глубину, обнаружите мир математических и физических метафор. Подлинная глубина всегда метафорична, таково свойство человеческого языка, не предназначенного для прямой речи о сокровенном. Обыденная человеческая речь подобна газете - она перемалывает в муку факты и никогда не заглядывает в глубину из-за боязни оказаться непонятой, к тому же в самой глубине, на самом дне человека охватывает немота. Все конечные истины - истины невысказанные, а чувственные. Есть немало свидетельств, когда ученейшие из мужей прислушивались к своему "внутреннему голосу", и тогда рукописи летели в огонь и оставались только скупые строчки наподобие тех, что оставил после себя Роджер Бэкон: "Можно сделать суда без гребцов, быстроходные колесницы без коней, летательные аппараты с машиной. Можно делать аппарат, дабы безопасно ходить по дну моря или рек". Предание утверждает, что за этими словами стояли рабочие модели. Что поделаешь, все, что сожрал огонь - остается в преданиях.

Говорят, Альберт Эйнштейн нашел-таки уравнение "общего поля", но потрясенный атомными взрывами в Хиросиме и Нагасаки, сжег его.

Вот вам и рациональное объяснение метафор Гоголя - нравственность человечества разительным образом отстает от научно-технического прогресса! Только вот в чем беда - любое рациональное объяснение, похоже на обглоданную кость, на ней есть все, что угодно, кроме мяса!

Что же случится с миром, если на него глянет Вий? Нет, если

мир захочет увидеть глаза Вия, ведь это неперемное условие! Недаром же внутренний голос Хомы говорил, "Не гляди!"

Но мало ли нам кто и что говорит? Господь дал двенадцать заповедей, но разве есть в мире человек, который бы не нарушил хотя бы одной? Как пересилить любопытство и не заглянуть в глаза Вию?

Не узнать, что же произойдет, если столкнуть два тяжелых ядра, разогнав их до субсветовых скоростей? И уж совсем анекдотическое, если скрестить ежа и ужа? Иначе говоря, если произвести на потребу общества трансгенный продукт. Навязать всему миру одну единственную экономическую и морально-этическую идею?

Поставить целью своей жизни выиграть миллион в лото? И вот что важно, следует ли всем заглянуть в глаза, или достаточно только некоторым? Для всего ли мира откроется пропасть, или только для единичного человека, как это случилось с Хомой?

Об этом не знают даже сонмы бесовских сил, пытающиеся поднять веки Вию. Об этом и он не знает, но должно произойти что-то такое, конечное, когда из недр земных встанут гиганты первобытной эпохи, возможно, те самые потомки "детей божьих", о которых так скупо повествуют библейские тексты. ("Сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им..")

Вчитайтесь в метафористику Откровения Иоанна, в которой полным полно первобытных рогатых и хвостатых тварей. Полный пантеон древних ассиро-вавилонских и египетских, разномастных и разнокалиберных "божеств" хтонической

природы. Разумеется, древние люди почитали за богов природные силы, тварному возносили свои жертвы, как Творцу, и христианство открыло им глаза на истинную природу вещей.

Но многие, открыв глаза, тут же и ослепли, точнее, окривели и стали путать, поверженных ангелов с древними хтоническими тварями, по своей природе вовсе не противостоящими Богу, а дополняющими Божье творение. Из того, что и они подвержены соблазнам, как и человек, вовсе не следует, что природа их изменилась, если человек "образ и подобие Бога", то и они "образ и подобие Хтона-Геи".

И опять же, переходя на обыденный, рациональный язык: не запустятся ли глобальные тектонические процессы, не исчезнет ли оберегающее от жесткого излучения магнитное поле, не растают ли полярные ледники? Вопросы можно продолжать, даже не выходя за пределы рационального мышления - этой вываренной и обглоданной кости.

Одно непреложно, если Вию открыть веки, то этому миру уже не бывать таким, каков он есть, потому что не только глаза Вия узрят человека, но и глаза человеческие увидят такое, чего они никогда не видали, о чем человек со времен Адамовых даже не догадывался, а если кто догадывался, то умирал заживо, как это произошло с Гоголем. Таков мой ответ на одну из загадок, загаданных человечеству Гоголем. Конечно, он не сам её придумал, как не сами писатели, если они настоящие писатели, придумывают свои сюжеты, но именно поэтому так глубоки их загадки, именно поэтому они выходят за пределы простого, человеческого разума.

Мой "ответ" - всего лишь прелюдия к подлинному ответу. Потому что есть и будет вечное приближение человека к изначальным истинам, к истинам, отвращающим души от ценностей жизни и напрочь запечатывающим уста, так что о найденной истине, и сказать ничего нельзя.

СИНЯЯ ПТИЦА МОРИСА МЕТЕРЛИНКА.

Или погоня за призраком счастья.

Имя Мориса Метерлинка не столь известно в России, как имя Владимира Высоцкого, но обоих объединяет то, что можно было бы назвать – мужеством отчаяния.

И на самом деле если позволить здравомыслящему человеку до конца, до донышка, додумать вопрос о смысле жизни, то он непременно впадет в отчаяние, при каком бы строе он ни жил, и на каком бы языке он ни говорил.

Выход из этого состояния известен: либо самоубийственная жизнь, либо поиск Бога.

Чем же заканчивает Метерлинк – последовательный гуманист, искренний человекопоклонник, свой ответ на этот вечный вопрос? Почему он так трагично смел?

- Если бы человек был одарен менее боязливой разумностью, человечество давно перестало бы существовать, ведь, вероятно, оно не приняло бы жизнь такой, какой она нам навязана, – утверждает Метерлинк.

Вот так – не приняло бы! То есть наложило бы на себя руки! Иначе сказать – Адам, изгнанный из рая, предпочел бы умереть, но не жить!

Точно так же и Высоцкий, влюбленный в человека ницшеанской породы, отчаянно смел и потому, додумав до

конца вопрос о смысле жизни, гонит себя к гибели. Разрывающее сердце противоречие – с одной стороны «коней нагайкой хлестает» с другой – умоляет: «чуть помедленнее кони». В таком разрыве существует всякий разумный человек, если он не имеет Бога в душе, а только одну, кричащую в ужасе совесть.

Замурованное в человеке вечное его Я задыхается в нем и это Я обречено задохнуться. Выхода нет! Абсурд жизни абсолютен и безжалостен. Это хорошо показал французский писатель Альбер Камю в эссе «Бунтующий человек».

Человек не может провозгласить себя Богом и при этом не обезуметь. И он на самом деле безумствует, уходя в выдуманные им миры, заглушая свое вечное Я, и его тревогу наркотиками, громогрохочущей музыкой, разнузданным эросом.

Когда нет закона в душе человеческой, что же удержит её от бунта против внешних ограничений? Ни-че-го!

Так же и птицу счастья нельзя держать в клетке, то есть нельзя её приручить, она всегда будет мечтать о воле.

Счастье по прихоти своей посещает человека, и как только он протягивает к нему свои руки – вспархивает и улетает прочь. «Девочка (в отчаянии). Бабушка!.. Она улетела!.. (Рыдает)».

И какое же утешение находит бабушка Тильтиль для девочки? Она обращается в зал, то есть к миру:

- Мы вас просим: если кто-нибудь из вас её найдет, то пусть принесет нам – она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем.

В настоящем можно обойтись и тем, что имеешь, то есть суммой несчастий. Но и в будущем, если опять найдут

«синюю птицу» и посадят её в клетку, то совершенно не исключено, наоборот – это обусловлено самой природой счастья – одно неосторожное действие и она улетит.

«Протягивая к ней (к счастью) свои страстные руки, готовые к вечным объятиям, Метерлинк остается одиноким в своей тоске, вечно одиноким со своими жаждущими руками, которые каждый день могут свернуться в самоубийственное кольцо.

Трепещущее желание и спирающая дыхание любовь к волшебной синей птице буйно росли в высоты бесчисленных бесконечностей и смело погрузались в глубины бездонных пропастей.

Они жужжали «жизнью пчел», благоухали «разумностью цветка», рыдали «великою тайною», мудрствовали «великим законом» а синяя птица все упорнее скрывалась от Метерлинка. И он, измученный мыслями, израненный чувствами успокаивал сам себя: скорбь лечил скорбью, печаль – печалью, воздыхание – воздыханием».

Эта пространная цитата из работы сербского святого Иустина (Поповича) не требует комментариев. Иное дело мы – так называемые труженики культуры, вязальщики словесных кружев. Мы нуждаемся в комментариях потому, что в каждом из нас есть свой Метерлинк, а значит и то мятущееся чувство, подталкивающее нас: либо к Богу-Христу, либо в бездумное, чаще всего похмельное забытьё.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ШЕКСПИРА

I

Литература, если она настоящая, а не подделка, не имитация под литературу, обладает качеством неисчерпаемости смыслов. Она похожа на магический кристалл: с каждым поворотом грани открывается новая перспектива, новые смыслы. Они дополняют прежние, а то и вступают самым парадоксальным образом, в противоречия. Квантовая физика, искусство и культура народов сходятся к одной универсальной точке - множественности интерпретаций, зависящих от сознания воспринимающего объекта, то есть от человека. Конкретного, заметьте, человека. Иначе сказать два человека смотрят на один и тот же объект пусть и на самый примитивный – граненый стакан, но каждый видит только своё, исключительно своё, об общем договариваются, общее подразумевается и не более того! Объективное - иллюзия больших пространств и таких же глубин времен и временных протяженностей. Геометрически точно вычерченные орбиты планет, не более чем «пространства вероятного нахождения объекта». Противоречия и есть разрыв между желаемой точностью ответа, и реально получаемым ответом. Если о художественном произведении можно сказать, о чем оно, и сказанное, как бы закрывает этот вопрос раз и навсегда - перед нами не литература, а подделка. Можно сказать еще сильнее: если автор знает, о чем он написал, то либо он настолько самоуверен, что впал в самообман, либо написал нечто, не имеющее отношение к литературе. Драматургия Шекспира потому и вечна, что каждая эпоха,

каждый человек открывает в ней собственный смысл, поверх уже осознанных и сформулированных смыслов не отменяя прежнее, а дополняя к прежним смыслам, еще один.

Не будучи театральным человеком, а всего лишь читателем шекспировских трагедий, я увидел Шекспира, его героев сквозь словесную ткань, собственными глазами, а не глазами режиссеров, пусть и гениальных. Это не значит, что мой взгляд лучше, чем их, но он иной, и смею думать, тем и интересен.

Трудность в том, что на любую трагедию Шекспира можно посмотреть с самых разных точек зрения, повернуть её той, или иной гранью и вот что важно - эти грани сами поворачиваются то одной стороной смысловых интерпретаций, то другой, как будто наделены собственной волей. Порой кажется, что не ты изучаешь, не ты пытаешься проникнуть в сокровенную глубину шекспировских трагедий, а это они тебя изучают, они пытаются постичь тебя! Чертовски сильное чувство. Почти мистическое.

Мне кажется; можно бесконечно долго рассматривать одного героя, будь то Гамлета, или Макбета, или его супругу. Более того, даже одна фраза, одна реплика порождает такую бесконечную ассоциацию, что можно оттолкнувшись от неё, пуститься в странствие по душам, и неизвестно еще, хватит ли жизни, чтобы прибиться к какой-то конечной гавани.

Любителям исчерпывающих ответов я не советовал бы читать Шекспира и тем более не читать эти прикосновения к шекспировскому гению. Тем, кто ищет ответов нужно обращаться к арифметике, спрашивать бездушные тела, но и

они дают ответы до известного предела - квантовая физика очерчивает пределы точных и ясных ответов в мире бездушных тел.

Что же мы ищем, если заранее знаем, что ответов нет и быть не может? Мы ищем не ответов, а правильно поставленных вопросов - вот единственное, на что может рассчитывать человек, пускаясь в странствия по страницам шекспировских трагедий и не только. Там, где человек - там ничего не может быть кроме вопросов, а то, что мы считаем за ответы, на самом деле только наши предположения и догадки.

II

Хроники событий в трагедии Макбет, и то, как они отобразились в моей душе - не совпадают. Если бы я ставил спектакль, то начал бы его с пятой сцены первого акта. Вначале было письмо мужа к леди Макбет, а потом все остальное. Нервный узел трагедии здесь, в этих словах, в этой характеристике мужа, данного его супругой.

*"Да, ты глассимский и кавдорский тан
И будешь тем, что рок сулил, но слишком
Пропитан молоком сердечных чувств,
Чтоб действовать. Ты полон честолюбья.
Но ты б хотел, не замаравши рук,
Возвыситься и согрешить безгрешно».*

Жена знает, что её муж, чтобы стать совершенным политиком, наделен избытком совести, так что нужно подстегнуть его, пришпорить вождение власти, усыпить совесть. Она даже иронизирует по поводу совестливости мужа, и эта ирония может звучать на русском языке, как:

«Хотел бы удовольствие получить и невинность сохранить». В сущности - это тайное желание всех без исключения людей, чего-либо возделующих, обойтись «малой кровью». Но как говорил другой великий англичанин

Джон Стюарт Милль:

«...великие дела не свершаются мелкими людишками...»

Гусарская удаль:

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского» - из этого же источника.

Обойтись «малой кровью» в «великих делах» не получается, такова природа человека, корнями своими уходящая в стадные инстинкты, а, следовательно и такой социальной организации, как власть.

Женщина куда ближе к природе, и все природное, в том числе и инстинкты, в ней говорят куда громче, и слышит она их куда явственнее, чем мужчина. Отсюда женская интуиция, органически вплетенная в дар обольщения.

*"И ты колеблешься не потому,
Что ты противник зла, а потому, что
Боишься сделать зло своей рукой.
Спеши домой! Я неотступно в уши
Начну тебе о мужестве трубить.
И языком разрушу все преграды
Между тобой и золотым венцом,
Который на тебя возложен свыше
Как бы заранее».*

Последняя фраза леди Макбет, из её пространного монолога, может показаться неточным переводом. Не могла светская женщина тех лет не понимать, что пророчество имеет

двоякую природу, как и вдохновение: одни идут от Бога и являются «гласом божьим», а другие – пророчества, идущие из глубин адовых, которые удобнее было бы называть – подстрекательствами.

Объяснение такому, кажется невероятному представлению, а точнее путанице, скрывается в английской философии богословия тех лет и более того, в свернутой форме оно нашло отражение у Соловьева, известного русского богослова-философа конца позапрошлого века.

Соловьев сказал; "Я не верю в черта".

В черта не верил ни Шекспир, ни его герои. Дело в том, что и Соловьев, и Шекспир верили в деятельного Бога, в того самого Ветхозаветного Бога, который активно вмешивался в дела людей. Черт и сам Сатана всего лишь, по этим представлениям, являлись и являются инструментами божьего Промысла.

Ни черт, ни сатана не имеют собственной воли и действуют с попустительства Господа. Кто же устоит против Бога? Если Господь решил кого наказать - он накажет, если решил испытать - испытает и если захочет, то и в чреве медного быка, раскаленного огнем, будет прохладно. Нет силы в мире и такой воли, которая бы могла противостоять воле Бога.

Трагизм человека в том, что он не знает причин и следствий и конечной цели своей, «на этой отмели времен». Вот почему леди Макбет говорит, что «золотой венец» на её мужа «возложен свыше». Она чувствует это своим инстинктом, хотя и не может знать конечной цели Промысла Божьего.

Иов в одноименной книге Ветхого Завета был далеко не

единственным персонажем, претерпевающим невзгоды как будто без видимых причин. Шекспир хорошо знал Ветхий Завет.

В третьей книге Царств, (глава 22) рассказывается, как Господь спровоцировал царя Израильского Ахава и царя Иудейского Иосафата на войну за Рамоф. «И сказал Господь; кто склонил бы Ахава, чтобы он пошел и пал в Рамофе Галаадском? И один говорит так, другой говорил иначе; и выступил один дух, стал перед лицом Господа и сказал: я склоню его. И сказал ему Господь: чем? Он сказал: я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его. Господь сказал: ты склонишь его и выполнишь это; пойдя и сделай так».

Так что фраза из монолога леди Макбет вовсе не ошибка переводчика, а трагическая реальность - человек не знает конечной цели своих поступков, своих влечений и потому, вовсе не случайно, Шекспир считал: «Мир - сцена, где у каждого есть роль».

Глубина переживания собственной роли - вот что важно и ценно для Бога! Вчитайтесь в молитвы святых и вы поймете глубину этой трагедии!

«Отпусти грехи мне, недостойному и прости всё, что я согрешил в день прошедший, как человек, но больше того и как не человек, а хуже скота!» - Молитвенно просит Господа святой Антиох, давая убийственную оценку собственной роли.

Хуже скота, потому как скот живет целиком погруженный в инстинкты, а человеческого в человеке ровно столько, насколько он преодолел в себе животное начало.

А вот что за сценой, когда роль окончена и актер уходит,

уходит навсегда, что там? Шекспир и на это дает ответ, но уже в другой, куда более философичной и глубинной трагедии, чем Макбет (хотя уж куда глубже!), в Гамлете.

*«Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный,
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла».*

Именно так - ночью совершать дела, отражающие природу собственной сущности и быть инструментом воздействия на ход причин и следствий в мире действующих актеров. Более того, самому являться их причиной, суфлером и отчасти режиссером их ролей. Ночью просыпаются все демоны, сидящие в человеческой душе, придавленные там дневным сознанием и волей.

Сновидения - окно в собственный демонический мир.

Потустороннее и есть по ту сторону человеческого сознания и воли, а вовсе не «параллельное» нашему миру, как иногда принято говорить.

Ад и рай в душе человека, и оттуда, когда сознание и совесть усыплены, выходят призрачные духи и говорят с человеком языком его подавленных вожделений. Бездна и небо открывается тогда человеку. Говоря птичьим языком современности - это и есть «измененное сознание», а говоря языком христианской культуры - одержимость. Но почему только христианской? Вот что говорил Платон за полтысячи лет до христианства: *«Пророчествовать - значит быть вне себя, это означает, что наш рассудок должен быть помрачен либо сном, либо болезнью, либо он*

должен быть вытеснен каким-то иным способом, в том числе и сошедшим с небес вдохновением».

Христианство только расставило акценты, указав на то, что не только с «небес», но куда чаще из глубин ада приходит одержимость и вдохновенные озарения. Апполон и Дионисий постоянно борются за власть над творческой, да и над любой другой душой.

День - это прерогатива Бога, это абсолютный Свет и понятное дело, что в этом свете выгорает все, что связано с темной стороной человека. Но и Тьма не пребывала в мире до Господа, она есть отсутствие божественного света в душе человека. Иначе сказать – душа человеческая не ангельскими духами наполнена, а тьмой. Тьма – то, что пришло в человека, как инстинкт. Инстинкт – дух падший, не бывший в человеке до «падения ангелов» и вслед им – человека и всего того, чему он дал имя.

Мои рассуждения, да и любые другие (Шекспир не исключение!), касающиеся «деятельности» Бога находятся в таком же соотношении, как дворовый пес и созвездие Пса. Но, как уже было сказано, каждый из нас играет свою роль, и человек играет её искренне, «взаправду», а «представления» есть неотъемлемая часть ролевого поведения! Из своей роли никто не выскочит, и никакая рефлексия, медиативная техника, не способна вывести человека из ролевого состояния. Все во мне и все из меня – формула, из которой никто не выпрыгнет.

Шекспир не был бы гениальным драматургом, если бы не понимал парадоксальной трагичности бытия человека. Леди Макбет, только что говорившая о «венке возложенном

на его мужа свыше», вдруг начинает призывать на помощь силы ада.

*«Сюда, ко мне, злодейские наитья
В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!
Пусть женщина умрет во мне».*

К таким парадоксам нужно относиться внимательно, ведь для того, чтобы стать «духом лживым» и заморочить головы 300-стам пророкам царя Ахава, нужно перевоплотиться.

Такое же перевоплощение происходит с леди Макбет и с её мужем. В жизни все роли играют на пределе искренности. Шекспир задолго до Станиславского создал актерскую школу, подглядев, как актерству учит сама жизнь.

А что же Макбет? Макбет, как и предполагала его жена, колеблется. и это еще один парадокс мимо которого гений Шекспира пройти не мог.

*«Добро б удар, и делу бы конец.
И с плеч долой! Минуты бы не медлил».*

Так в чем же дело? Ведь все уже как будто решено:

*«О звезды, не смотрите в душу мне
Такие вождельня там на дне!
Как не страшило б это, все равно
Закрыв глаза, свершу, что суждено».*

Сомнения преодолены, что же еще? А то, что роль – ролью, однако же, человек и особенно у Шекспира, всегда рефлектирует, всегда соотносит роль с нравственными и моральными заповедями. Что тут ни говори, а признание Макбета перед королем:

*«Я вашему величеству служу
Из верности престолу, вот и плата».*

.....
*И вместе с остальными делать всё,
Что требуется честью и любовью».*

Не так-то просто переступить, все-таки роли верноподданного и заговорщика, предателя - настолько противоположны, что рефлексия напрашивается сама собой. Мало желать, жаждать власти, нужно еще переступить через некий рубеж, решиться.

Одна из загадок бытия в том и состоит, что человек, даже осознавая predeterminedность своей судьбы и слепую покорность ей, систематически рефлектирует! Показательны, в этом смысле, слова молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду:

«Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты».

Нравственные и моральные законы, словно для того и вброшены в мир, чтобы торчать в человеческом сердце постоянной и неизвлекаемой занозой! Не следует забывать, что Макбет был, как и все в его мире, человеком верующим, а в вере, как нигде, в сконцентрированном виде содержится императив нравственности!

Макбет рассуждает:

*«Я здесь на этой отмели времен,
Пожертвовал загробным воздаяньем
Но нас возмездье ждет и на земле
Чуть жизни ты подашь урок кровавый
Она тебе такой же даст урок.
Ты в кубок яду льешь, а справедливость
Подносит этот яд к твоим губам».*

Поразительно! Макбет все знает, все понимает, но «рок сулил». От человеческой, самонадеянной воли не остается и тени следа! Как тут не вспомнить Омара Хайяма:

«Мы только куклы, движимые роком/ Вот горестная правда Бытия/ Пройдем свой путь/ И волею жестокой/ Со сцены жизненной уходим в мрак глубокий/ Во мрак небытия».

Человек не увернется от рока, от предначертанного, но вся сокровенная тайна пребывания человека на земле скрыта в его отношении к предначертанному.

Леди Макбет без колебаний приняла злодейский план, её муж с трудом переступает закон нравственности. Тайна не в том, что Иов не осознает причины своего несчастья, тайна в его отношении к несчастью. Сатана ждет от него проклятий Богу, да и его жена подталкивает Иова к этому, но у Иова «язык не поворачивается», а вот у леди Макбет он «повернулся» легко.

Современный, прагматичный человек скажет, обращаясь к Макбету:

«Ну, и чего же ты развесил сопли? Если знаешь, что из этого проку не будет, то и выброси глупость из головы!»

У прагматиков «линейное мышление» - «знаю - не знаю», им и невдомек, что нет знаний в тех областях, где человек. Где человек - там «вероятность», «неопределенность» и «дополнительность» - все три кита квантовой физики. «Знаю», применительно к человеку - метафора нашей самоуверенности. Никто ничего не знает, а всего лишь предполагает с известной долей точности.

Степану Разину приписывается притча о вороне и орле.

«Спрашивает орел ворона: - Отчего ты живешь триста лет, а я всего лишь полста?» Отвечает ворон: «Оттого, что я падалью питаюсь. Питайся и ты падалью, и будешь жить столько же». Попробовал орел падали, и вырвало его. «Нет, сказал он, уж лучше я буду кровавое мясо есть, и жить свои полста лет, чем твои триста».

Такова природа орла, и невозможно переступить через эту черту - вырвет! Рок, судьба орла рвать горячее, еще полуживое мясо. Рок ворона, судьба его питаться разлагающимся трупом.

Лермонтов прожил 27 лет, Пушкин чуть больше тридцати, но какие это были жизни! Можно говорить о торжестве справедливости, как сказал устами Макбета Шекспир, кстати говоря, частенько вкладывающий собственные мысли в уста своих героев, но сказать можно все что угодно, но не все что угодно можно доказать! Поднесет, или не поднесет «справедливость кубок с ядом» - это всего лишь вероятность, бывало немало в истории злодеев-отравителей, умиравших собственной смертью от старости.

Древние евреи считали, что греховность наследуется до шестого колена. Буддисты, вообще считают, что колесо сансары подхватывает человека, и только нирвана способна снять его с этого колеса, освободить от вековечной цепи причинно-следственной зависимости.

И опять же, никем никогда это не доказано - это возможно, но так ли это на самом деле? Это вопрос не к знанию, а к вере. Оттого, что будущее вероятно, а незнаемо точно, человек склонен не только верить в предсказания о своей судьбе, но и к авантурным поступкам.

Три ведьмы встречают полководцев шотландского короля Дункана: Макбета и Банко и приоткрывают двери в темную часть их душ, и то, что ранее было заперто чувством долга, сковано нравственными законами и пребывало в состоянии дремотности, более того, что было уже написано «на роду» и являлось «родовой судьбой» – вошло в их сознание!

*«Они не к худу: в этих предсказаниях
Скрывалась правда. Я кавдорский тан.
Они не могут быть к добру: иначе
Я разве мог внушеньям уступить,
Которых ужас волосы мне дыбит
И заставляет сердце в ребра бить?»*

Так размышляет и взвешивает Макбет услышанное, уже предчувствуя в какую пучину он погружается, ослепленный, так приятно греющим его сердце, пророчеством. Тревога, переходящая в страх - вот голос совести, тот самый «демон» Сократа, который никогда не говорит, что нужно, что следует делать, а только предупреждающей об опасности деяния. На этом этапе, у человека, еще сохраняется свобода воли, еще есть подобие выбора, но дальше, дальше он, как Макбет - ведьмами, как Гамлет – «духом отца», уже уловлен в расставленные сети. Произошла смена роли, и игра вступила в финальную часть.

Вот итог человеческой деятельности, финальные сцены Макбета и его запоздавшее раскаяние. Так и хочется предварить слова Макбета строчками из известной песни: "Если бы молодость знала, если бы старость могла».

Трагедия и глубинный, сокровенно таинственный смысл бытия человеческого, в том и состоит, что «знаю» и «могу»

не совпадают ни в пространстве, ни во времени. В жизни раскаяние всегда следует за делами, а не впереди дел. Вот почему в христианстве грехом считается помысел, ведь от мысли до дела, как говорят, расстояния не больше чем от уха до глаза. Так что реплика Макбета обращена в пустоту: «Баба кается, а девка - собирается».

*«Не надо верить прорицаньям ада
Проклятье им за их двоякий смысл!
Слова их не обманывают слуха,
Чтоб тем полней надежды обмануть.
Я не дерусь с тобой».*

Говорит Макбет, Макдуфу.

Но уже поздно непротивлением отвечать на зло! Расплата за злодеяния неизбежна, так уж устроен этот мир, что он на зло отвечает злом и тем самым продлевает в веках, грех Каина.

Макбет в ответ слышит:

*«Так сдайся. трус!
Останься жить диковинкою века.
Твое изображение на шесте
Поставим мы, как выставляют чудищ,
И выведем под вывеской, «Здесь
Тирана можно видеть».*

Макдуф убивает Макбета и надо полагать, что сам становится не меньшим тираном. Драконы власти не умирают, они обуздываются, но обуздываются только тогда, когда народ превращается в граждан. Это еще одно из самых загадочных превращений – поданных в граждан. Совершенно не исключено, что Шекспир не догадывался о своей роли - повитухи у родовой постели гражданского

самосознания будущей английской нации. И вот еще один парадокс, свидетельствующий о неуничтожимости духа тирании, он из единоличности переходит в институты гражданственности. Граждане становятся тиранами по отношению к самим себе. На смену деспотическому своеволию приходит деспотия законов.

Я чувствую, как поворачивается живой кристалл трагедии, и передо мной открывается еще одна грань, и только что увиденное, начинает прочитываться чуть-чуть иначе.

Возникает эффект "дополнительности" и она связана с другой трагедией Шекспира - «Гамлетом».

III

Шекспир в отличие от других драматургов начинает свои трагедии с постановки "конечных вопросов". Почему вопросов, а не ответов? А дело в том, что всё, решительно всё, что касается человеческих отношений, самого человека, как единичного существа, ответов не имеет. "Ответами" же: в прямом смысле этого слова, могут быть только такие утверждения, которые очевидны для всех.

Видный финансист и экономист Дж. Сорос в своей работе "Алхимия финансов", убедительно доказывает, что "ответы" существуют только и исключительно в области естественных наук.

"Таким образом, - считает Сорос, - термин "социальные науки" следует считать ложной метафорой. Мы должны отвергнуть доктрину о единстве метода и прекратить раболепную имитацию естественных наук. Конечная часть исторического процесса, в моем понимании, остается открытой».

Это значит, будущее нельзя предсказать так, как мы предсказываем траекторию снаряда, то есть – знаем, куда он попадет, будущее можно только угадать. Угаданное, становится достоверностью только тогда, когда угаданное произошло, а до этого любое предсказание неочевидно. Мы, действительно, не знаем, "чем наше слово отзовется", а уж тем более - наше действие, или бездействие. Однако же, каждый из нас действует, более того, жизнь невозможна без деятельности.

Чем же мы руководствуемся в тех областях, где по определению царствует неопределенность и недостоверность? Импульсом чувств, целями, интуицией, ожидаемой выгодой и т.д.

Но вот вопрос, откуда, из какого источника к нам приходят эти импульсы деятельности? Очевидно, что человек в своей деятельности несвободен, над ним всегда стоит кто-то, начальник, нужда, влетевшая в голову идея, порочность, или напротив - добродетельность.

Однако все это не отвечает на поставленный вопрос - откуда? Так вот - это и есть "конечный вопрос", далеко выходящий за "психологизм личности", потому как сам "психологизм" требует вопроса - откуда и почему?

В художественных произведениях "конечные вопросы" задаются самой тканью произведения, поэтому он, как бы разлит по всему тексту и нельзя точно сказать - в каком герое, в каком образе, в какой фразе он сформулирован. Его нужно извлекать из текста так, как извлекается радий из тонн уже обогащенной урановой руды, но в отличие от радия, каждый человек, каждая эпоха будет извлекать из этих

текстов свой радиоактивный элемент.

Это не означает, что на "конечные вопросы" никто не пытается отвечать, напротив, люди только то и делают, что дают ответы, но эти ответы не общеобязательны, как это бывает в естественных науках. Шекспир видел ответ в парадигме христианства, но чутье гениального художника удерживало его от обычного, для религиозности, морализаторства.

Уже самим фактом появления духа отца Гамлета и его пространными монологами - задается вопрос и не столько, откуда, из каких областей явился этот дух, а какой волей он послан к Гамлету?

"Горацио считает это все

Игрой воображенья и не верит

В наш призрак, дважды виденный подряд». -

Говорит офицер стражи Марцелл, обращаясь к другому офицеру - Бернардо. Когда это известие о появлении призрака доходит до самого Гамлета, то следует незамедлительная реакция:

"И если примет вновь отцовский образ,

Я с ним заговорю, хотя бы ад,

Восстав, зажал мне рот».

Гамлет словно ждал появления чего-то такого, что ответило бы на его сокровенные чувства, точнее - на предчувствия. Он, в отличие от Горацио, уже был готов поверить не только в сам факт явления духа отца, но и в возможность узнать у него, то, что неясно, беспокойно и болезненно сидело в его сердце. И вот тень, призрак, дух его отца появляется на крепостной стене родового замка. Это появление потрясло Гамлета:

"Святители небесные спасите!" - восклицает он, но уйти - это уже сверх его сил.

На все призывы к благоразумию, офицера стражи замка Марцелла и друга детства Горацио, он отвечает решительным:

- Руки прочь!

Хотя несколькими минутами раньше Гамлет уже предчувствовал страшные последствия этой встречи:

*"Двойник отца в оружие
Быть беде!"*

Пророчествует Гамлет, но и он, как Макбет, не в силах противостоять року. И вот беда грянула, призрак говорит:

*"Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный,
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла».*

И как аккорд: *"Отмсти за подлое убийство».*

И всё, Гамлета, как самостоятельной, имеющей собственную волю личности - нет! Почему так? А это и есть последний, или "конечный вопрос", в ряду многих других самый главный и самый мучительный из всех вопросов, стоящих перед человеком - вопрос о том, где и когда, почему заканчивается собственная воля и начинается чужая, навязанная? Этот вопрос нынче еще более актуален, так как технологии, воздействующие на сознание, уже не маскируются под привидения и ведьмы, не прячутся в пещерах и пустынях, а выливаются, как из помойного ведра с экранов телевидения, красуются на глянцевых обложках журналов.

Ведьмы стали самыми пристойными персонажами телевизионных программ и уже невозможно отличить, где собственная воля, а где навязанная, внушенная. Нормальный критический рассудок у современного человека расплывается, как гнилая ткань!

IV

Гамлет соткан из противоречий и потому в нем больше человеческого, чем в любом другом из героев этой трагедии. Гамлет только то и делает, что размышляет, и когда он размышляет, то в нем просыпаются сомнения, он раздвоен:

*"Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль Душе терпеть удары и щелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружием море бед и положить
Конец волненьям? Умереть. Забыться.
И все».*

Выбор Гамлета известен - погибли и друзья, и недруги: и даже невинное создание - Офелия, которой дано было чувствовать тот ад, из которого управлялся Гамлет, и чувствовать куда сильнее, чем он.

Сердце знает, да речь человеческая неспособна выразить это знание словесно, тем более убедить кого-либо. Гамлет хотел добра и особенно справедливости, но месть, никогда к добру не приводит и справедливости на этом пути не найти.

V

Бессмысленные убийства Гамлета, бессмысленность действий Макбета, но что такое "бессмысленность", как не метафора нашего вопиющего незнания? И тут нужно

остановиться на "бессмысленном" и "осмысленном". Обычно принято считать осмысленными действия, принятые по размышлению, и "бессмысленными", - принятыми на основании чувственного импульса. Но в жизни это не так, часто долгие размышления приводят к результатам далеко не тем, что хотелось бы размышляющему.

И напротив - импульсивный порыв приводит к ожидаемому результату.

Макбет, повинувшись импульсу мужественности и дерзости, разбил неприятельские войска. Эпитеты, данные Макбету раненым сержантом и таном Россом, красноречивы. Отвечая на вопрос короля:

*"И что ж, скажи, он этим устранил
Командующих Банко и Макбета?"*

Сержант отвечает: *"Да, устранил, как воробей, - орла
И заяц, - льва! Сказать тебе по правде
Они, как пушка мощности двойной,
Удвоили решительность ударов».*

Не размышление, нет, а импульс, порыв Макбета и Бланко решили исход сражения с изменниками и норвежцами. В жизни выигрывает не размышляющий, а действующий человек, такова природа жизни. Но каков выигрыш? Сбылось пророчество ведьм, но где счастье? Где цель, ради которой ни одно из преступлений не показалось бы чрезмерным? А счастья и быть не может! Изгнанным из рая Адаму и Еве, Господом оно и не было обещано. Другое было обещание: "Проклята земля за тебя...

Царство Божие устроить на этой земле нельзя, вот почему все эсхатологические представления покоятся на "иной

земле и ином небе".

Таков, вывод из трагедий Шекспира, да и не только - вся сколь-нибудь серьезная литература свидетельствует об этом и эта невозможность - вызов и соблазн не только человеческому разуму, но и его свободной воле.

«Христианство, - по меткому выражению дьяка Кураева, - едва ли не единственное мировоззрение на земле, которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения. Христианская эсхатология гласит, что, в конце концов, силам зла дано будет "вести войну со святыми и победить их" (Откр 13:7).

Прогресс человечества и есть практическая реализация вызова «свободной воли», а итог этого деятельного вызова, сконцентрирован в поговорке "о благих намерениях" и в словах Иисуса Христа, о "волках в овечьей шкуре".

Воинствующее «добро» ничем не отличается от воинствующего зла, и то и другое раскачивает "весы жизни".

Благородство Гамлета сослужило хорошую службу злу и порочная тяга к власти Макбета – все сошлось в одной точке.

И всегда, что бы ни делал человек, чем бы ни руководствовался, он приходит к своей противоположности.

Вот почему так настороженно, так скрупулезно внимательно, я бы сказал - предельно ответственно относится

православная традиция ко всяческим чудесам и, особенно к тем, что касается "святости" человека. Нынче развелось

много всяческих экологий и безмерное количество прав безо всяких встречных обязательств, но нет главных -

экологии духа, и прав нравственности и морали. Но надо бы помнить, слова апостола Павла: "Пришел закон и принес

преступление". Так что, если мораль и нравственность станут законом, то неизбежно появятся люди и учреждения, надзирающие за этим законом, а там, где человек, там всегда ложь и сцепление противоположностей.

Прокопьевск 2006 год.

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА.....	3
ИЗ ТЕМНЫХ ГЛУБИН.....	10
ЗАКАТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	15
МЕТАФОРЫ БЫТИЯ.....	19
СИНЯЯ ПТИЦА МОРИСА МЕТЕРЛИНКА.....	41
МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ШЕКСПИРА.....	44

Литературно-художественное издание.

Михаил Петрович Анохин

ИЗ ПРОПАСТИ ДУХА

Редактор Л. Козлова

САМИЗДАТ

Пр. Ленина 33 кв 63 г. Прокопьевск

Формат А5

Гарнитура Calibri

Бумага офсетная N1

Тираж 50 экз

0	ДОГОВОРА
к	50р. ЦЕНА

